

ОЦЕНКА СЕКУЛЯРИЗАЦИИ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЙ ДЛЯ ОБЩЕСТВА В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Г.П. ФЕДОТОВА

Матюшевская Мария Иосифовна

доцент кафедры археологии и специальных исторических дисциплин учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова»; кандидат исторических наук, доцент (г. Могилев, Беларусь)

2016 год отмечен юбилейной датой – 130-летием со дня рождения историка, философа и богослова Георгия Петровича Федотова (1886–1951). Это был один из самых известных публицистов русского зарубежья первой половины XX в. До начала 1990-х гг. для массового советского читателя его творчество оставалось недоступным, однако сегодня в российской науке наблюдается растущий интерес его произведениям. Издается многотомное собрание сочинений Г.П. Федотова, анализируются отдельные аспекты его теоретических воззрений, исследуются особенности биографии. Тем не менее, можно с уверенностью констатировать: всесторонний и комплексный результат данного изучения еще не получен.

Проблема секуляризации духовной жизни в трудах Г.П. Федотова рассмотрена в контексте осмысления им социального феномена России – интеллигенции. Как и другие русские философы, после Октября 1917 г. вынужденно оказавшиеся в эмиграции, Г.П. Федотов обратился к данной теме, чтобы показать читателю «истоки и смысл русского коммунизма». Но он пошел дальше своих коллег-единомышленников. Проблема секуляризации духовной жизни России показана им как глобальная цивилизационная и геополитическая проблема будущего развития мира.

Социальный портрет российской интеллигенции Г.П. Федотов рисует в статьях: «Трагедия интеллигенции» (Париж, 1926 г.) [1], «Революция идет» (Париж, 1929 г.) [2], «Письма о русской культуре» (Париж, 1938 г.) [3]. В частности, в статье «Трагедия интеллигенции» Г.П. Федотов описывает процесс национального самоуничтожения – мизопатрию, которая наблюдалась в России в ходе

импорта западной культуры XVII–XVIII вв. Мизопатрия проявлялась в презрении элиты российского общества к традиционному быту, надругательстве над церковью, появлении идей, не связанных с почвой национальной культуры [1, с. 79]. К середине XIX века этот процесс наиболее ярко выразился в секуляризации общественной мысли. По наблюдению, Г.П. Федотова «...нигилистическая проказа идет прежде всего из семинарий...» [1, с. 88].

В 30–40-х гг. XIX в. культурные особенности развития России были осложнены социальным разложением дворянства: «...поколение отрешенных гегельянцев сделалось родоначальником русского либерализма и даже западного консерватизма (Чичерин, Катков), но самые яркие его представители кончали свой век с евангелием материализма и социализма...» [1, с. 87]. К середине XIX в. дворянство окончательно потеряло свою культурную гегемонию. С командных высот его вытеснили разночинцы.

Разночинцы приняли часть духовного наследия дворян, и в первую очередь – их беспочвенную идейность. Внешне она носила атеистический характер. Однако в народническом и народовольческом движении России 60–70-х гг. XIX в. Г.П. Федотов видел природу христианской секты: «...Атеисты-народники отзываются о Христе всегда с величайшим уважением. Они проникнуты сознанием, что социализм обосновывается в христианской этике...» [1, с. 90]. Тот факт, что с 1879 г. «бродячие апостолы» стали политическими убийцами, Г.П. Федотов объясняет эсхатологием их сознания: «...как нынешние апокалиптики видят в большевизме воплощенного антихриста, так народовольцы увидели его в царе...» [1, с. 92].

Новое качественное состояние духовной жизни российского общества в советский период Г.П. Федотов наиболее полно описал в статье «Создание элиты (Письма о русской культуре)» (Париж, 1939 г.) [4]. Суть произошедших в России революционных перемен историк обозначил так: «...Каков бы ни был политический смысл русской революции, ее культурное содержание может быть описано, с крайней схематичностью, следующим образом: русская культура, доселе творимая и хранимая интеллигенцией, спускается в самую глубину масс и вызывает полный переворот в их сознании... Культура перестала быть замкнутой или двухэтажной. Старое противопоставление интеллигенции и народа потеряло свой смысл. От центра к периферии движение интеллектуальной крови совершается без задержек и сбоев. Россия в культурном смысле стала единым организмом...» [4, с. 206–207].

В статье «К вопросу о положении русской Церкви» (Париж, 1930 г.) Г.П. Федотов рассмотрел влияние государственной политики большевиков на социальный статус и роль в советском обществе православной церкви. Историк отметил полулегальность ее положения: «...Храмы открыты, но храмы взрываются динамитом. Епископы и священники в торжественных облачениях совершают свое служение у алтаря, и они же тысячами ссылаются в Соловки и Сибирь за это дозволенное законом, открыто совершаемое служение. Конституция и декреты объявляют свободу совести, но открытое исповедание себя христианином для большинства означает потерю работы, голод, гражданскую смерть...» [5, с. 185].

В этой связи Г.П. Федотов заключал: «...В гонении на религию в России есть, бесспорно, какой-то процент чистого, демонического богоборчества, но есть и доля (вероятно, более крупная) политического страха перед Церковью как социальным институтом, возможным центром народного сопротивления...» [5, с. 188]. Г.П. Федотов отмечал бывшее политическое единство между православной церковью и монархическим государством и предлагал новое видение социальных задач для церкви: разорвать связь церковных и политических идей, очистить религиозное исповедничество от любой примеси политической и национальной борьбы. По мысли Г.П. Федотова, новое видение социальных задач православной церкви имеет большое значение для будущего развития не только России, но и всего мирового сообщества. В статье «Судьба империй» (Нью-Йорк, 1949 г.), рассуждая о грядущем противостоянии народов Востока и христианской цивилизации, он писал: «... вопрос о спасении нашей культуры есть вопрос духа...» [6, с. 315].

Применительно к будущему России этот вывод Г.П. Федотов интерпретировал так: в российской истории «...имперское сознание питалось не столько интересами государства – тем менее народа, – сколько похотью власти: пафосом неравенства, радостью унижения, насилия над слабыми. Этот языческий комплекс для России XIX в. означал кричащее противоречие между политикой государства и заветами ее духовных вождей. Русская литература была совестью мира, а государство пугалом для свободы народов. Потеря Империи есть нравственное очищение, освобождение русской культуры от страшного бремени, искажающего ее духовный облик... Не одно поколение понадобится для... возвращения в заглохшую традицию русской культуры, а через нее – и русского христианства...» [6, с. 327].

Литература

1. Федотов, Г. П. Трагедия интеллигенции // Судьба и грехи России : избранные статьи по философии русской истории и культуры : в 2 т. / Г.П. Федотов ; сост., вступ. ст., прим. В.Ф. Бойкова. – Т. 1. – Санкт-Петербург : София, 1991. – С. 66–101.
2. Федотов, Г. П. Революция идет // Судьба и грехи России : избранные статьи по философии русской истории и культуры : в 2 т. / Г.П. Федотов ; сост., вступ. ст., прим. В.Ф. Бойкова. – Т. 1. – Санкт-Петербург : София, 1991. – С. 127–172.
3. Федотов, Г. П. Создание элиты (Письма о русской культуре) // Судьба и грехи России : избранные статьи по философии русской истории и культуры : в 2 т. / Г.П. Федотов ; сост., вступ. ст., прим. В.Ф. Бойкова. – Т. 2. – Санкт-Петербург : София, 1991. – С. 206–227.
4. Федотов, Г. П. Письма о русской культуре // Судьба и грехи России : избранные статьи по философии русской истории и культуры : в 2 т. / Г.П. Федотов ; сост., вступ. ст., прим. В.Ф. Бойкова. – Т. 2. – Санкт-Петербург : София, 1991. – С. 163–187.
5. Федотов, Г. П. К вопросу о положении русской Церкви // Судьба и грехи России : избранные статьи по философии русской истории и культуры : в 2 т. / Г.П. Федотов ; сост., вступ. ст., прим. В.Ф. Бойкова. – Т. 1. – Санкт-Петербург : София, 1991. – С. 185–196.
6. Федотов, Г. П. Судьба империй // Федотов, Г. П. Судьба и грехи России : избранные статьи по философии русской истории и культуры : в 2 т. / Г. П. Федотов ; сост., вступ. ст., прим. В. Ф. Бойкова. – Т. 2. – Санкт-Петербург : София, 1991. – С. 304–327.